

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.001

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГЕНДЕРА И ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

© 2014 г. Н.А. Вострова

Вострова Наталья Андреевна –
аспирант,
кафедры теории культуры,
этики и эстетики,
факультет философии и культурологии,
Южный федеральный университет,
пр. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038,
E-mail: Natalialobko@mail.ru.

Vostrova Natalya Andreyevna –
Post-Graduate,
Department of Theory of Culture,
Ethics and Aesthetics,
Faculty of Philosophy and Cultural Studies,
Southern Federal University,
Nagibina Ave, 13, Rostov-on-Don, 344038,
E-mail: Natalialobko@mail.ru.

Процесс переосмысления социокультурной реальности изменил характеристики всех сфер жизни общества, в том числе и гуманитарной науки. Гендерный поворот открыл новые теоретико-методологические возможности исследования. В связи с этим анализируются философские и культурные аспекты гендера, который постепенно теряет свое первичное понимание как социального пола, наполняясь многообразным культурным содержанием. Основное внимание направлено на изучение культурных и философских составляющих, что позволяет без затруднений перейти из социологии в философскую и культурологическую сферу.

Ключевые слова: культура, гендерный подход, гуманитарная наука, гендер, гендерные отношения.

In the process of occurred reconsideration of sociocultural reality, the characteristic of all spheres of life underwent considerable changes. They didn't disregard also humanitarian science. Former methods of the analysis were unsuitable. The gender turn opened new theoretic-methodological opportunities of research. In this regard, philosophical and culturological aspects of gender which gradually loses the primary understanding as social sex, being filled with the diverse cultural contents are analyzed. The main attention is directed on studying of cultural and philosophical components. It allows passing without difficulties from sociology to philosophical and culturological sphere.

Keywords: culture, gender approach, humanity, gender, gender relations.

Культура разнообразна и при всем этом многообразии необходимо признание ее целостности, что является на современном этапе основным методологическим принципом изучения. Целостное видение культуры может быть сформировано посредством анализа гендерных отношений, представляющих основополагающий компонент культурной реальности на протяжении всей истории. Таким образом, при решении данной проблемы актуально применение гендерного подхода.

С недавнего времени в методологии отечественного научного знания он стал неким новшеством, возникшим в русле гендерных исследований, включающих проблемы самоидентификации, социализации, а также социальной стратификации, они, несомненно, основываются на теориях и методах различных гуманитарных дисциплин. Гендерный подход соответствует тем запросам современной науки, которые обеспечивают полноту объяснения и прогнозирования социокультурных

процессов различной сложности. Он основан на идее, что весомое значение имеют не биологические и физические различия между полами, а то культурное и социальное значение которое вкладывает общество в эти различия.

Начальным этапом в становлении гендерного подхода в гуманитарных науках было, согласно Н.Л. Пушкаревой, рождение в конце 60-х гг. «women's studies», оформившихся в 70-х гг. XX в. в отдельную академическую дисциплину, способствующую развитию нового взгляда на роль и положение женщин в современном мире. Социальными предпосылками выступили оживление феминизма, сексуальная революция, которые позволили открыто говорить о проблемах пола. Следующий этап (начало 80-х гг.) в развитии «женских исследований» связан с формированием новой культурной парадигмы. Границы наук стали размываться. Всеобщую значимость обрели междисциплинарные исследования. Как общенаучная, так и общеполитическая ситуация заставила задуматься над идеями терпимости, межполовом равенстве возможностей. Возникшие проблемы, касающиеся уже не только одного женского пола, но и мужского, привели к появлению гендерных исследований. В центре внимания оказался «не просто анализ гендерных стереотипов, норм, идентичностей, но и того общего социокультурного и историко-культурного контекста, в условиях которого складывается та или иная иерархия полов» [1, с. 29]. Гендерные исследования ставят во главу угла не столько изучение социального опыта обоих полов, сколько анализ дискурсов, смыслов, репрезентаций, которыми пропитаны все социокультурные явления. Они позволяют анализировать многообразие социальных связей в историческом и культурологическом аспекте, учитывая гендерное взаимодействие. Но, несмотря на это, основное внимание направлено на разграничение понятий «пол» и «гендер».

В российскую науку гендерные исследования проникли сравнительно недавно, лишь в конце 80-х – начале 90-х гг., одновременно с зарождением первых феминистских организаций, в то время как на Западе разработка гендерных концепций началась с 60-х гг. Что послужило историко-культурной предпосылкой внедрения западных научных гендерных образцов в отечественную науку, приведшего

к новому осознанию действительности? Вспомним о таком историческом явлении, как «железный занавес», которое сыграло весомую роль в трансформационном процессе традиционных ценностных норм и воззрений. Отделяя на протяжении долгого времени СССР от капиталистических стран Запада, он ограждал отечественную культуру от разрушающего её многие тысячелетия чужеродного влияния. С падением занавеса в конце 80-х гг. в русское сознание снова вторглась западная идеология со своими идеями рационализма и демократии. Этот процесс породил недовольство прежним общественным устройством и привел к переосмыслению традиционных культурных воззрений в системе общественных отношений.

В процессе произошедшего переосмысления социокультурной реальности характеристика всех сфер жизни претерпела значительные изменения. Они не оставили без внимания и науку, в большей мере гуманитарную. Долгое время находившись под идеологическим контролем, она, наконец, постепенно стала освобождаться от догматических притязаний. Прежние методы анализа общественных явлений оказались в большинстве своем непригодными. В результате в научной среде появилось множество новых концепций и направлений.

В ходе адаптации западных наработок к среде отечественной науки российские ученые постоянно сталкивались с некоторыми препятствиями. Среди них Е.А. Здравомыслова выделяет «несформированные отечественные школы, слабость научной коммуникации», а также «глухоту общества к проблемам взаимодействия полов в рамках русской традиции» [2, с. 177]. Несмотря на это, гендерные исследования медленно, но верно шли по пути своего становления в рамках отечественной науки. Можно условно выделить несколько этапов. Первый – конец 80-х гг. – логично назвать просветительским. В этот период происходило ознакомление с теориями, методами, феминистскими идеями. Словом, оформлялась новая научная парадигма исследования гендера. Второй этап – начало 90-х гг. – период институционализации отечественных гендерных исследований. Для него характерно раскрытие основных закономерностей, особенностей формирования системы научного гендерного знания, ее превращение в соци-

альный институт. В это время зафиксировано создание разнообразных научных сообществ, занимающихся исследованиями гендерных отношений. Третий период – конец 90-х гг. Происходит объединение российских гендерных исследователей и ученых СНГ с целью обмена опытом. Именно с этого момента начинается интенсивное развитие гендерных исследований в России. Возникает необходимость осмысления собственного опыта и разработки отечественных основ гендерной теории и методологии. Четвертый – современный этап становления гендерных исследований. Он связан с внедрением гендерного аспекта во все социокультурные сферы жизни. Подтверждением этому служит оформление междисциплинарных гендерных исследований в отдельное научное направление российской гуманитаристики.

В культурологическом знании гендерный подход появился сравнительно недавно – во второй половине XX в. Гендерный поворот, произошедший в рамках культурологии, открыл новые теоретико-методологические основания исследования, которые необходимы для формирования целостного видения и понимания культуры нашего времени.

В переводе с английского языка слово «gender» означает «пол», «грамматический род». Пол понимается как «совокупность генетических и морфофизиологических особенностей, обеспечивающих половое размножение организма» [3, с. 937]. Но гендер – это нечто иное. Его нельзя полностью отождествлять с понятием «пол», который включает в себе только биологические характеристики, разделяющие людей на мужчин и женщин. Гендер – это продукт социокультурного действия, формирующий культурную основу действительности. Он конструируется самим обществом и его культурой в процессе исторического развития. Взаимосвязь женского и мужского начал формируется под влиянием социокультурных норм, стереотипов, традиционных воззрений, транслируемых в обществе. В процессе такого социокультурного взаимодействия и происходит становление гендерного сознания.

Гендер моделирует, конструирует пол, закрепляет принадлежность личности к определенной культурной среде с ее идеалами, нормами, формами поведения. Он составляет биологическую социокультурную характери-

стику, за счет которой индивид самоопределяется как пол. Гендер позволяет вскрыть социальные отношения мужчин и женщин, поведение которых находится под влиянием данного культурного контекста и обуславливается их родовыми различиями. Таким образом, гендер – это сложная социокультурная система конструирования половой идентичности человека. Она является отражением жизни в мире, создавшем нас не просто людьми, но всегда женщиной и мужчиной [4, с. 123].

Гендер как социальный пол, определяющий поведение человека в обществе, впервые возник в рамках психологии и социологии благодаря американскому психоаналитику Р. Столлеру в 1968 г. При обосновании понятия «гендер» тот увидел в нем не только социальный смысл, но и заложил основы интересующей нас культурной составляющей, предложив выделять не только биологическую, социальную, но и культурную природу данного явления [5]. Понятие «гендер» было введено в научный оборот для того, чтобы, во-первых, отойти от термина «биологический пол» при разьяснении проблем полоролевой дифференциации; во-вторых, перенести исследования гендерных отношений с биологического на социальный уровень; и в-третьих, оставить позади идею о «природном назначении полов» [6, с. 16 – 17]. В связи с этим гендер был целенаправлен на то, чтобы выделить не природную, а социокультурную причину различий полов.

Следовательно, гендер – некий социальный костяк, в основу которого положены биологический пол и полоролевые стереотипные предрассудки, составляющие так называемый «гендерный дисплей», представляющий собой «множественные, размытые и зачастую не замечаемые культурные коды, проявляющиеся в социальном взаимодействии» [7, с. 70]. То есть гендер – «совокупность социальных и культурных норм, которые транслируют людям в зависимости от их биологического пола определенные модели поведения, ценности и воззрения» [8].

Как аналитическая категория, позволяющая анализировать различные явления, термин «гендер» впервые появился в научной литературе в 1986 г. в статье Дж.У. Скотт «Гендер: полезная категория исторического анализа» [9]. Таким образом, это позволяет

нам представить гендер в качестве определяющего фактора развития, познания и объяснения исторических, социальных и культурных элементов, а также самой культуры в целом.

Под давлением происходящих трансформационных процессов при объяснении любого культурного явления исследователи все чаще начинают обращаться к их гендерной проблематике. Это происходит из-за того, что социальный пол есть порождение культуры, запросам которой учится соответствовать каждое поколение. Исходя из этого, ученые в области гендерологии пришли к выводу о важности изучения культурных аспектов гендера. Таким образом, основные концепты «пол» и «гендер» постепенно теряют свое первоначальное понимание как социального пола, наполняясь многообразным культурным содержанием. В связи с этим первостепенное значение отводится изучению культурных и философских составляющих, что позволяет перевести взгляд с области социологии в культурологическую и философскую среду.

При разъяснении категории «гендер» нами использовался семиотический подход, так как гендер, наполненный не только социальным, но и культурным содержанием воспринимается как культурный символ, имеющий культурно-символическую интерпретацию. Любое явление, не имеющее отношения к гендеру, ассоциируется с мужским и женским началом, выражается и объясняется через него.

Значим также ценностный, аксиологический подход, в рамках которого гендер предстает не только как социальный пол, но и как основополагающий фактор формирования культурных ценностных ориентаций, а гендерные отношения – как базовый ценностный компонент культуры, формирующий, транслирующий и трансформирующий культурные традиции.

Культура предстает перед нами в виде живого организма, основу жизни которого составляют взаимодействия ее представителей. Она является динамической системой отношений, в том числе и гендерных, заключающих в себе осознание индивидом своей половой принадлежности к той или иной культуре. Мы с самого рождения попадаем в систему культурных связей, представленную общественными отношениями. Они включают в себя индивидуальные, сознательные связи

личности с различными сторонами культурной действительности, в контекст которой она гармонично вписывается, формируясь под влиянием культурных и социальных норм, традиций и представлений. Таким образом, с одной стороны, мы являемся своеобразным результатом социокультурного взаимодействия. С другой – не стоит забывать, что мы исполняем и роль деятелей, творцов культуры, самостоятельно встраивая связи между культурными элементами как внутри самой культуры, так и за ее пределами.

Термин «гендерные отношения» в научной литературе новый. С точки зрения социологии они определяются как одна из разновидностей отношений социальных. Общественные отношения, развиваясь внутри культуры, включают в себя три вида взаимодействий. Первым из них являются межгрупповые отношения. Они оформляются в системе «группа – группа». Это особый способ взаимодействия, в основе которого лежат разнообразные субъективные связи, возникающие между социальными группами и внутри них.

Любая социальная группа представляет собой совокупность индивидов, объединенных одинаковыми интересами в ходе совместной жизнедеятельности. Между ними также происходит связь, оформляющаяся в более узкой системе «личность – личность». Под этим видом взаимодействия подразумеваются межличностные отношения. Если говорить научным языком, то это «субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способе взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения» [1, с. 206]. Такого рода отношения являются своеобразной системой культурных ориентаций, установок, с помощью которых происходит эмоциональное восприятие и оценивание одного индивида другим.

Немалое значение имеет и то, как отдельная личность, независимо от того, задействована ли она в процессе общения или нет, относится к самой себе. Такое обращение к собственному «я» называется самоотношением. В его основе таится переживание индивидом собственной ценности.

Гендерные отношения выстраиваются по тому же принципу взаимодействия, что и все виды социальных взаимосвязей. Но есть одна

особенность – в гендерных отношениях делается акцент на половой принадлежности, который в социальных только подразумевается. Таким образом, в первом случае присутствует конкретное уточнение, а во втором – простое обобщение. На основе этого маленького, но значимого различия заметим следующее: гендерные отношения – не просто взаимодействие между отдельными индивидами в процессе совместной жизнедеятельности. Это отношения между конкретными индивидами мужского или женского пола, между социальными группами, состоящими из мужчин и женщин, а также отношение индивидов к самим себе как к представителям определенного пола.

Из проведенного выше культурологического анализа следует сделать следующие выводы:

1. Разделение мира по мужскому и женскому признаку и половой символизм культуры репрезентируют и сохраняют гендерную иерархию, лежащую в основе общества и его культуры.

2. Гендер исполняет роль главного звена, пронизывающего все социокультурные сферы жизнедеятельности. Это своеобразный набор культурных характеристик, в соответствии с которыми определяется социальное поведение мужчин и женщин, их взаимодействие между собой и положение в семье, общине, обществе и в культурном пространстве в целом на протяжении всего его существования.

3. Гендерные отношения представляются нашему взгляду не просто как форма взаимосвязи, происходящей на различных социаль-

ных уровнях между индивидами определенного пола в процессе их совместной жизнедеятельности. Это вид взаимосвязи, сталкивающей две различные культуры, мужскую и женскую, извечно противоречащих друг другу, но, несмотря на это, взаимосвязанных в единое целое, лежащее в основе какой-либо общей культуры, в нашем случае русской.

Литература

1. Психология / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
2. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // *Общественные науки и современность* (ОНС). 1999. № 6. С. 176 – 185.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 4-е изд. М., 2002.
4. Абубрикова Н.И. Что такое гендер? // ОНС. 1996. № 6. С. 123 – 125.
5. Дугин А.Г. Социология пола // *Структурная социология*. М., 2010.
6. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб., 2004. С. 16 – 17.
7. Goffman E. Gender Advertisements // *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. 1976. № 3. P. 69 – 77.
8. Воронина О.А. Гендер // *Словарь гендерных терминов*. М., 2002.
9. Скотт Дж.У. Гендер: полезная категория исторического анализа // *Введение в гендерные исследования*. Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Ч. 2. Харьков; СПб., 2001. С. 405 – 436.

Поступила в редакцию

29 мая 2014 г.

УДК 316.4.06

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2014 г. А.Н. Мирошник

Мирошник Александр Николаевич – аспирант, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, пр. Кулакова, 2, Ставрополь, 355029. E-mail: alexandro200.ru@yandex.ru.

Miroshnik Aleksandr Nikolayevich – Post-Graduate, Department of Social Philosophy and Ethnology, North-Caucasian Federal University, Kulakova Ave., 2, Stavropol, 355029. E-mail: alexandro200.ru@yandex.ru.

Рассматриваются проблемы инкультурации этнических мигрантов в поликультурное пространство крупнейших стран-реципиентов в контексте обострения межнациональных и межкультурных отношений. Делается вывод о том, что только совместными усилиями государства и общества возможно оптимизировать процессы инкультурации этнических мигрантов в современном глобализирующемся мире.

Ключевые слова: миграция, адаптация, интеграция, инкультурация, глобализация, социокультурное пространство.

The purpose of the article is to study the problems of inculturation ethnic migrants in multicultural space of largest recipient countries in a context of increased international relations. The author makes the conclusion that only due to mutual actions and efforts of state and society it will be possible to optimize the processes of inculturation of ethnic migrants in modern globalizing world.

Keywords: migration, adaptation, integration, inculturation, globalization, socio-cultural space.

В современном рискогенном мире роль междивизиационного и межкультурного взаимодействия в обеспечении экономической, политической стабильности миросистемы постоянно возрастает, что актуализирует анализ различных его аспектов. В сложных процессах расширения этого взаимодействия важнейшая роль принадлежит миграции, вследствие чего происходит непосредственное соприкосновение различных социокультурных сообществ. Интенсивность миграционных процессов становится в настоящий момент одной из основных тенденций мирового развития, отмечает В.И. Мукомель [1, с. 36]. В условиях глобализации мировое сообщество сталкивается с множеством проблем, одной из которых являются конфликтогенные последствия миграции, связанные прежде всего с усилением межнациональной напряженности в регионах-реципиентах.

Несомненно, миграция становится сегодня глобальной проблемой, определяющей облик современного мира, существенно изменяющей этнокультурный фон отдельных государств. Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам констатирует, что в 2013 г. в мире число мигрантов достигло 232 млн чел., это составляет 4 % от общего числа населения планеты [2, с. 899]. По количеству мигрантов лидируют США (45,8 млн) и Россия, занимающая второе место – около 20,8 млн чел. На территории Европы проживает 72 млн мигрантов, из них в Германии – 9,8 млн, Великобритании – 7,8, Франции – 7,4, Испании – 6,5 млн чел. Каждый второй мигрант – выходец из исламских стран, свыше 40 млн прибывших – мусульмане, проживающие в стра-

нах Евросоюза (3,3 % его жителей) [3, с. 373]. Причем около 500 тыс. чел. ежегодно оказываются в Европе нелегально, без документов. Ведущие научные центры фиксируют возросший уровень конфликтогенности мигрантов в крупнейших странах-реципиентах. Социокультурная и этноконфессиональная специфика пребывающих становится существенным фактором возникновения конфликтов на основе этнокультурных различий, этот процесс приобретает массовый характер. Такая ситуация вызывает необходимость поиска новых, более эффективных форм социальной интегрированности как залога стабильности и безопасности современного общества [4, с. 15].

Наличие этнических и конфессиональных предрассудков, интолерантное отношение, проявляемое коренным населением в отношении этнических мигрантов, трансляция негативного образа мигранта во многом мотивируют приезжих создавать локальные общины. Эксперты центра миграции ЕС отмечают [5, с. 153], что формирование этнических анклавов во Франции, Германии, Англии в новом тысячелетии становится миной замедленного действия на государственном уровне из-за отсутствия в ближайшей перспективе эффективных инструментов интеграции и инкультурации этнических мигрантов. Вызывает опасения тот факт, что мигранты, не желающие трансформировать свою аутентичную идентичность, становятся все более заметным сегментом стран-реципиентов, в которых по сути отсутствует конструктивная государственная стратегия инкультурации. В то же время она все чаще рассматривается в социогуманитарных исследованиях как способ максимальной

адаптации мигрантов и минимальных социальных рисков для принимающей стороны. За прошедший период в рамках специальных наук (социология, антропология, психология) было накоплено большое количество эмпирического и теоретического материала о практической ценности и эффективности этого процесса в различных типах обществ.

В Европе повышенный интерес ученых, политиков к инкультурации как оптимальной стратегии адаптации мигрантов в принимающее социокультурное пространство в середине 1990-х гг. был обусловлен значительным ростом напряженности между приезжими и коренным населением. В России вопрос адаптации мигрантов впервые был четко поставлен экспертами Института социологии РАН, когда после распада СССР Россия столкнулась с проблемами массовой миграции, в том числе внутренней. Конфликты, вызванные низким уровнем интеграции приезжих в принимающие региональные сообщества, сегодня считаются наиболее острыми, хотя на государственном уровне признается тот факт, что мигранты, пожалуй, являются единственным источником сохранения демографического баланса [6].

В начале второго десятилетия XXI в. федеральными властями, структурными подразделениями УФМС России в условиях естественного отсутствия барьеров для внутренней миграции и увеличения потоков внешней была осознана необходимость внедрения стратегии успешной интеграции мигрантов, которая бы включала оптимизацию регионального и федерального администрирования в сфере миграционных проблем. Об ухудшении ситуации свидетельствуют, например, получившие всероссийский резонанс события в Бирюлеве (Москва) в 2013 г. Практически в каждом регионе России имеются случаи конфликтного взаимодействия мигрантов со старожилами [7]. Отсюда повышенное внимание государственных структур к проблемам миграции является вполне логичным и закономерным. Так, недавно принята Концепция государственной миграционной политики (2012 – 2025), в которой авторы указывают на необходимость создания административной платформы для интеграции мигрантов в виде существенных изменений миграционного законодательства РФ, слияния структур ФМС, расширения функций паспортно-визовой

службы, создания единой системы контроля притока мигрантов, либерализации процедур получения мигрантами разрешения на пребывание (проживание) и занятие трудовой деятельностью на территории России, а также элементов социокультурной составляющей инкультурации – обучение мигрантов культурным традициям, обычаям, языку, нормам принимающей среды и т.д.

В декабре 2012 г. был принят еще один важнейший документ, призванный, помимо всего прочего, регулировать миграционные вопросы в стране. Речь идет о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В ней особое внимание уделяется вопросам интеграции и адаптации приезжих. Инкультурация мигрантов в современной России может стать реальным инструментом решения межнациональных проблем при условии, что все блоки вопросов, прописанных в Стратегии, связанные с проблемами адаптации и интеграции мигрантов, будут в перспективе реализованы [8].

Если Россия встала на путь внедрения долгосрочных программ социокультурной включенности мигрантов как фактора стабильного развития отдельных регионов и государства в целом, то в странах ЕС ситуация обстоит абсолютно иначе. Европейские специалисты в области миграционной политики осознают факт того, что модели интеграции мигрантов, востребованные еще два десятилетия назад, сегодня практически не актуальны. Это во многом объясняется существенным усилением исламского фактора в жизни европейского общества. Несомненно, просчет европейских государств в отношении приема 2-го и 3-го поколений мигрантов из стран исламского мира, переселившихся в конце 1990-х гг., сегодня налицо. С инкорпорацией в социокультурное пространство Европы такого мощного социокультурного элемента, как ислам, перед многими европейскими странами встала сложнейшая задача – интегрировать мигрантов-мусульман в европейское сообщество [9, с. 103]. Бесспорно, сегодня никакой государственный шлагбаум не способен перекрыть пути переселения миллионов мигрантов из стран исламского мира, которые рассматривают европейский мир в качестве высококоразвитого, безопасного региона. И эта тенденция,

по всей видимости, будет сохраняться еще долгое время.

Намечающийся переход от либерального политического курса ряда крупнейших европейских стран-реципиентов в отношении мигрантов к политике «кнута» объясняется прежде всего нежеланием приезжих жить по европейским правилам, тем, что мигранты-мусульмане часто образуют «параллельные общества», не стремясь интегрироваться в социокультурное пространство Европы. Опросы британского агентства статистики Populus свидетельствуют, что студенты-мусульмане зачастую полагают, что интегрироваться – это значит стать католиками, что равнозначно смертной казни по законам Шариата [9, с. 104]. С другой стороны, исследователи экспертной комиссии по делам мигрантов ЕС подчеркивают, что немцы, британцы и жители некоторых других европейских стран, принимающих большие потоки мигрантов-мусульман, крайне недружелюбны по отношению к приезжим. Подобного рода заявления негативно сказываются на интеграционном потенциале эмигрантской молодежи, которая, ощущая себя меньшинством, испытывает дискомфорт. Вместо интеграционных настроений «у людей, попадающих в чужую среду, происходит усиление показателей идентичности. Они начинают осознавать свою непохожесть, пытаются найти что-то свое, вокруг чего можно объединиться, становятся более религиозными. И это естественный процесс», – отмечает эксперт по вопросам мигрантов-мусульман А. Рахнамо [10, с. 11].

Несмотря на принимаемые европейскими странами меры по поддержке и интеграции мигрантов-мусульман, интеграции на самом деле не происходит. Национальные программы адаптации мигрантов Германии, Великобритании, Франции не оправдывают себя на практике, также ничего не предлагается взамен, за исключением экономических дотаций, которые сегодня сводятся к минимуму. Как результат происходит рост ксенофобии, фанатизма, фундаментализма, экстремизма и терроризма в среде приезжих, все чаще предпочитающих вместо поиска достойного места в новой жизни вступать в разного рода экстремистские организации с террористическим уклоном. Эта проблема остро стоит в первую очередь, перед Англией и Германией. В Англии находятся штаб-квартиры целого ряда

исламских фондов, финансируемых теневыми организациями Аравийского региона, которые вербуют террористов-смертников. В Германии действуют десятки исламских ассоциаций и союзов, в основном объединяющих турок, которые не только выступают за свои права, но и требуют в будущем исламизировать Германию. Возможно, когда современный западный мир перейдет к реальной политике инкультурации, откажется от пережитков национальной политики послевоенного периода, которые сегодня оказывают деструктивное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию, можно будет говорить о цивилизованности Европы [11].

Инкультурация мигрантов в западном мире в условиях глобализации представляется, пожалуй, единственным адекватным сценарием решения межнациональных и этнокультурных проблем при условии, что будет принята долгосрочная концепция миграционной и национальной политики взамен оказавшейся неэффективной концепции мультикультурализма. Неэффективность последнего объясняется тем, что эта политика ведет к этнической сегрегации мигрантов, сегментации европейского общества по этнорелигиозному признаку, что ставит под сомнение возможность включить мигрантов в социокультурное пространство европейской цивилизации.

Тем не менее в современной Европе все же существуют определенные предпосылки для инкультурации и интеграции мусульман. Например, стремление обучить турок немецкому языку и истории в Германии, ввести курс исламоведения в светских вузах и граждановедения в медресе в Англии и другие культурные меры неизбежно приведут к созданию прослойки образованных мусульман, полностью социализированных к европейской реальности [1, с. 39]. Можно сказать, что инкультурация простых мусульман и ироничные политические намеки в адрес исламистов-радикалов являются только первым этапом формирования нового типа отношений западного и исламского миров. На этом этапе важно столкнуться со всеми возможными трудностями и угрозами, чтобы узнать, с кем европейцы имеют дело. В конце концов европейские мусульмане и сами европейцы осознанно отсеют тех, кто не понимает и не стремится понимать язык принимающей страны, жить по правилам игры нового общества.

Инкультурация мигрантов, восполняющих демографические потери крупнейших стран мира, может варьироваться и продолжаться в течение всей жизни, а в перспективе успешно будут инкультурированы лишь второе и третье поколения мигрантов. Сегодня она становится весьма востребованной кросс-культурной стратегией адаптации мигрантов в поликультурных пространствах России и Европы, успешная реализация которой существенно повысит интеграционный потенциал принимающего социума, оптимизирует практики взаимодействия принимающего населения и властей с мигрантами.

Литература

1. Мукомель В.И. Политика интеграции. М., 2012.
2. См.: Мирошник А.Н. Проблемы и перспективы инкультурации мигрантов в современной России // В мире научных открытий. 2014. № 1.2 (49).
3. Харитонов И.Н. Проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы // Социологический альманах. 2011. № 2.
4. Попкова Е.В. Теоретические подходы к исследованию инкультурации как социокультурного процесса // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3.
5. World migration. Costs and benefits of international migration 2005. URL: http://www.iom.md/materials/10_iom_wmr2005.pdf (дата обращения: 10.06.2014).
6. Дробижева Л.М. Интеграционные процессы в полиэтническом российском обществе. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=908> (дата обращения: 15.06.2014).
7. «Левада-центр» сигнализирует о росте национализма в России. URL: <http://news.rambler.ru/21998255/> (дата обращения: 15.06.2014).
8. Смолин О.Н. Социальная ответственность и проблемы инкультурации России. URL: <http://www.smolin.ru/actual/public/2007-10-24.htm> (дата обращения: 10.06.2014).
9. Кириллова А.И. Религиозная духовность как показатель инкультурации // Социологические исследования. 2011. № 8.
10. См.: Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4.
11. Условия и цена интеграции мигрантов. ФОМ 2012 // Общественное мнение. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10465> (дата обращения: 06.06.2014).

Поступила в редакцию

18 июня 2014 г.